

Источник: Субботин М. Склоняю голову... : воспоминания об Александре Яшине / М. Субботин // Север. – Петрозаводск, 1982. – № 4. – С. 95–100 : портр.

М. СУББОТИН

СКЛОНЯЮ ГОЛОВУ...

(Воспоминания об Александре Яшине)

НА РОДИНУ поэта в Блудново я люблю приезжать утром пораньше или, наоборот, к вечеру. В эту пору деревня, раскинувшаяся среди полей, окаймленных понизу еловым лесом и сосновыми борами на песчаных буграх, наполнена звуками присущего ей уклада жизни и поэтому кажется мне особенно домовитой.

В огородах мелькают белые платки и разноцветные с оборками кофты женщин. За дворами по всему внешнему кольцу деревни горят костры. Дымится в них, источая влажный и пахучий жар, летошняя ботва. Поблескивают на загонах лоснящиеся спины упряжных лошадей. В ближнем поле работает трактор, а у самого леса — другой. Они, неровно гудя, пашут, оставляя за собой сизоватый шлейф гари и легкой, будто просеянной, пыли.

Заезжаю машину, тем более легковую, встречают ребятишки, как и везде в деревнях услужливые и всегда по-хорошему любопытные. Они отворяют ворота жердевой изгороди и бегут, обгоняя «газик», радуясь и машине, и новому человеку. Увидишь в деревне и другое. Сколько раз я замечал на крыльце сельповского магазина группу помятых, «нераженьких» мужиков. Сидят они молча, и в этом молчании угадываются их единные желания...

Дома в деревне в один этаж, высоких сооружений нет, разве только сушильный сарай, выстроенный за околицей и напоминающий чем-то самолетный ангар, да журавлиного типа колодцы. Их несколько в деревне, и они, как сторожа, беспокойно перекликаются друг с другом.

В этой обычной северной деревне и родился А. Я. Яшин.

Еще в незапамятные времена все соседние деревеньки, лежащие за волоками, назывались селениями. Река Юг, петляя недалеко от Блуднова, разделяла когда-то (о чем свидетельствует история) весь этот обширный край между двумя княжествами: Московским и Новгородским. Отсюда — прозвища, а затем и фамилии некоторых семей в округе: Московкины да Новгородцевы. Край издревле русский, былинный, с богатейшим фольклор-

ным наследием, доселе привлекающий этнографов и просто любителей и почитателей старины.

В центре деревни стоит плотно сбитый дом-хорома с характерной для севера компоновкой: зимовник — малая, но теплая часть избы, и большая, светлая, с бесчисленными окнами — летняя половина.

В конце длинного посада, сразу за околицей, начинается неровное поле с живописными полуостровками бронзовых сосен. Поле, прочерченное дорогой, для меня и многих стало тем особым русским полем, по которому сейчас пройти или проехать просто так уже нельзя.

Я во всех деталях помню те тяжелые, траурные дни похорон Яшина. Сама деревня в тот день олицетворяла горе народное. Обилие скорбящих у дома матери поэта, их старинная одежда: сарафаны и льняные рубахи с кушаками; прибывший разнокалиберный транспорт и бесконечно подъезжающий... Готовились к выносу тела. Масса людей заколыхалась, полились слезные причитания. Когда люди собой, словно плотиной, перекрыли дорогу, вдруг с другого конца деревни выскочила, гремя и подпрыгивая на разбитой дороге, запряженная двумя лошадьми повозка. Испуганные чем-то кони, дико и ошалело храпя и вращая яблоками глаз, неслись на толпу.

Я с ужасом в тот миг представил возможные последствия. На счастье, поняв всю опасность раньше всех, какой-то подвыпивший мужичок сбоку рванулся к лошадям, сбил их с пути на боковую улицу, но не удержался за хомутные ремни, упал... Кони промчались, ткнулись в чей-то забор, остановились. Человек был в полусознании, силился подняться. На голове, серой и влажной, явственно проступал сочащийся кровью полукольцевой след. Мужика быстро подняли и увезли на одной из машин в больницу.

Сотни людей, собравшихся проводить поэта, и не подозревали, какое крошево устроили бы эти сумасшедшие кони. Я не суверен, но в тот момент не мог не связать воедино тяжелую болезнь Яшина, его кончину, похороны и этот жуткий деревенский эпизод.

А. Я. Яшин

Тем временем люди, взяв на руки гроб, вышли за деревню и двинулись полевой дорогой к недалекому бору. Знакомое Яшину поле с уродившимся в тот год хлебом тоже провожало поэта. Волны спеющей ржи то сжимались у дороги, дробно ударяя колосьями идущих, то, словно испугавшись безмолвного шествия, порывались отойти.

Я часто смотрю на фотографию того ржаного поля. Да, все места, которые посетил поэт, были и остались звучными, памятными, яшинскими. Они без него и он без них не существовали ранее, тем более сейчас.

Траурная процессия, пройдя поле, направилась к Бобришному угору. Сюда приезжал Яшин и живал подолгу в отстроеном небольшом доме. С ним и к нему навевались земляки, писатели. Был — и неоднократно — здесь В. Белов. Теперь многим известен его рассказ «Бобришный угор».

А в тот день, пасмурный с утра, к домику в бору собрались жители окрестных деревень, николячане, делегация творческих союзов, родственники. Крестьяне, несшие на холстах гроб, остановились у могилы, вырытой между двумя березками — местом, указанным при жизни самим поэтом. После смерти Яшина мать его как-то в разговоре вспомнила об этом.

— Только что подвели под крышу дом в лесу, я ходила вокруг, собирала щепы для костра. Саша радовался обнове, потом подошел к березке и сказал, испугал меня: «Мама, я лягу вот под эту большую березу».

Как сейчас известно, Яшин говорил про то и еще несколькими очень близким товарищам. Началась гражданская панихида.

Автору этих строк выпала тяжелая доля и честь — открыть траурный митинг и сказать первое надгробное слово. Потом выступали председатель колхоза «Родина» В. Берсенев, поэт, руководитель (в то время) вологодской писательской организации А. Романов, В. Белов и другие. Тяжело вспоминать эти мину-

ты. В. Белов говорил о Яшине как о наставнике творческой молодежи. В его речи прозвучали слова: «Яшин воспитал целое поколение вологодских писателей!» Речь Белову давалась трудно, его душили слезы. Он не сумел ее закончить. Среди присутствовавших литераторов Белов всех острее переживал кончину Яшина. В пути от аэропорта до Блуднова он сопровождал гроб с телом своего учителя и товарища. Невыносимо тяжело было видеть Василия Ивановича, сидящего у гроба Яшина. Не прекращался поток людей, пришедших сказать своему земляку последнее «прости». Белов не обращал внимания на всю эту двигающуюся в избе массу, сидел неподвижно, отрешенно. О чем он думал? Что думалось человеку, которого Яшин особенно любил и ценил и которому было многое завещано?

Вспоминается мне ответ Александра Яковлевича на мой вопрос за год до его кончины о творчестве Белова.

— Василий Белов, — сказал Яшин, и глаза его затеплели отцовской радостью, — на голову выше нас!

Траурный митинг заканчивался, стали осторожно опускать гроб в могилу. Прозвучали первые звуки «Реквиема» Моцарта, его девятой части «Lacrimosa» — «Слезная». Мелодия заупокойной мессы заполняла весь Бобришный. Люди еще ближе подвинулись к краю могилы, скорбно и простодушно заглядывая в нее.

А несколькими минутами позже, когда все было совершено и люди растерянно встречались взглядами друг с другом и не знали, что же дальше делать, над Бобришным угором и во всех ближайших перелесках, по склону берега и над Юг-рекой раздался голос Яшина, записанный на пленку. Окая, четко выговаривая слова, он читал «День творчества».

Я стал — сначала несмело —
С жизни чуть теплой, хрупкой
Снимать скорлупу за скорлупкой,
Стал отделять от живинки
Мертвые скорлупинки.
Как плод живой от поседа,
А будет ли победа?..

Магнитофон услужливо воспроизводил одно стихотворение за другим. Читал сам поэт, он жил, он разговаривал с людьми. Все слушали в каком-то таинственном оцепенении и отлично понимали, что Яшин для всех родной человек и что имя его навсегда останется в народе.

Теперь, часто бывая на Бобришном или в других яшинских местах, я вспоминаю поэта таким, каким он нам запечатлелся, вошел в жизнь и память.

В один из сентябрьских дождливых дней (это было в 1967 году) мы с товарищами собрались в Блуднове. Яшин на родине был уже с неделю, жил у себя в лесном доме. На Бобришный сразу не поехали, а привернули к матери поэта, в деревню. Дочь ее Санечка, уже немолодая женщина, но так ласково величаемая именитым братом, разъяснила нам, где могут быть Александр Яковлевич с матерью.

— Ищите их на пожинках или у еловиков, они, наверное, там,— сказала она и пояснила: — После дождя рыжики слоем пошли.

Мы поехали на указанное место. Долго искали Яшина, кричали, все вконец измокли и вернулись в деревню. Нам еще одно место указали, но и там мы грибников не нашли. Стало смеркаться. Решили завернуть на Бобришный — может быть, они там пережидают непогоде. В лесу машина забуксовала. Пройдя остаток слякотной дороги, мы увидели на взгорье дом. На радость нашу, из печной трубы валил дым, сразу пригибаемый под шатровый лапник елей и рассеиваемый в чаще. На крыльце появился сам Александр Яковлевич.

— Гости пожаловали! Заходите, сохнуть вместе будем! — Из-за Яшина выглянуло лицо старой женщины. Она улыбалась и вторила сыну:

— Заходите, ишь как вас полило! Заходите,— снова сказала она,— грибница готова и печь протоплена.

Услышав про жареные грибы, мы решили дополнить лесной ужин своей долей и ринулись в мокрый сузем (благо терять нам, перемокшим, уже нечего). Грибов вокруг было предостаточно. Я буквально в пяти метрах от крыльца увидел целое семейство боровиков и радостно вскрикнул. Яшин стоял на крыльце, облокотясь на перила.

— Не рви, не нарушай грибницу, сейчас ножик найду.

Через полчаса, когда лес заволкло сгустившейся теменью, мы собрались в избушке, сняли плащи и присели на грубые, но прочные топчаны. Грибная жареха исходила запыленным парком, нашлось к столь аппетитной закуске и соответствующее дополнение. У плиты сидела мать поэта Евдокия Григорьевна. На лице ее, освещенном жаром позванивающих углей, пролегли глубокие морщины. Мудрые, столько повидавшие на веку глаза светились радостью и счастливым покоем. Она любовалась сыном и лишь изредка вставляла в общий разговор свое словцо, но больше потчевала.

— Ешьте, крешенные, ешьте! — радушно обращалась к нам мать, не зная всех по именам и объединяя словом «крешенные».

Огня не зажигали, да и лампы никакой не было. Пытались что-то предпринять, организовать светильник, но всякие найденные нити и кусочки тканей оказывались синтетическими, тлели, чадили и гасли. Так и проходила эта встреча в полутьме, только изредка дальний угол избы и часть стола атели отблеском печных углей. Полумрак не мешал беседе. Яшин делился впечатлениями о своей деревне, районе, критиковал нас за медлительность электрификации, состояние дорог, сокрушался о невыкошенных пожнях и лесных сенокосах, как всегда, много шутил, сыпал частушками, каламбурами. Но вдруг замолчал, словно вспомнил что-то тревожное и беспокоящее его. Затем с заметным волнением и даже болью спросил:

— А все ли пойдем друг друга? Все ли у нас ладно?

Мне подумалось тогда, что Яшин обеспокоен разговорами о нашумевших его рассказах, отношением к ним и к нему читателей. Очень переживал он, что некоторые его произведения не поняли иные из товарищей и земляков. Поэт вообще был очень раним, а оттого

иногда и резок — труден, как некоторые читали. Один из нас попросил почитать стихи. Поэт ждал, вероятно, эту просьбу, но несколько удивленно и даже с вызовом переспросил:

— Почитать стихи?!

Я уже после узнал, а Яшин был наслышан ранее, что человек, просивший читать, один из тех, кто пять лет назад с трибуны районной читательской конференции, обсуждавшей «Вологодскую свадьбу», предлагал отказаться от поэта-земляка. Александр Яковлевич, надо ему отдать должное, сдержался, но первыми прочитал не без намека стихи «Всполошились над лесом вороны»:

Взбудоражены криком тревожным,
Навешать стали звери меня,
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня...

Яшин читал много и охотно.

За окнами дома натруженно вздыхал и гудел потревоженный лес. Стало совсем темно. И в этой почти колдовской обстановке вещими сказами мудрого Берендея звучали стихи «Исповедь», «Я обречен на подвиг...», «Добру откроется сердце».

Ступи, мой товарищ, попробуй
И ты в холодке росы
Сорви надоевшую обувь,
Пройди по земле босым.

В глазах будто память о детстве,
Зеленые глянут места.
Добру откроется сердце,
И совесть будет чиста!

С тех пор прошло немало времени, но свежесть ощущения памятного вечера не исчезает. Вновь и вновь всплывает картина: глубокие сумерки, стонущий под ветром и дождем набережный бор, в доме неразличимые силуэты притихших, очарованных слушателей, виден лишь освещенный скупым пламенем топки орлиный профиль тещи и слышны честные, пахнущие лесом, землей стихи. Такое не забывается...

Я многое читал из того, что написано Яшиным, посчастливилось не раз слышать стихи в исполнении поэта. Не берусь всесторонне оценивать его творчество, это задача серьезного профессионального исследования. Однако всегда ощущал: Яшин — чистый, родниковой щедрости самородный талант! Добавлю: и крестьянское, подчас до изнурения, трудолюбие. В жизни народа издавна существуют незыблемые, утвердившиеся понятия, такие, как земля, совесть, труд, любовь. Человеку с ними легко и сложно, ко всему этому он в любом случае не безучастен. Таково и творчество Яшина. Нет среди нас человека, даже впервые взявшего в руки его книгу стихов или прозы, который не был бы согрет, встревожен и вдохновлен поэтической строкой и живым, народным словом писателя.

В тот вечер я не бог вест что и сделал доброго для Александра Яковлевича — лишь прочитал его стихи, предварительно попросив на то разрешения. Он был рад этому, хорошо слушал, в одном месте, не сбивая, поправил.

Стали мы собираться. Яшин не захотел с нами расстаться сразу на Бобришном

хотя мать приготовила ему постель: набитый пахучим сеном матрац грубого холста, подушку и цветное, тряпичной мозаики домашнее одеяло. Он сначала нас проводил до Блуднова, где мы еще согрелись чайком из старинной меди самовара, а затем, к неудовольствию домашних и, наоборот, радости нашей, попросил взять его в районный центр Никольск, что и было сделано. Шумно попрощавшись, мы поехали дальше.

Вокруг царствовала ночь — осенняя, чернильного мрака. По небу шли низкие, шалого ветра тучи, иногда давая звездам коротко и хладно блеснуть. Дорога после дождя была и впрямь такой, что сраму не оберешься. Лучи фар выхватывали из тьмы разбитые колеи и кажущиеся бездонными лужи.

Однако все это мы не так и замечали, все еще звучали в памяти полюбившиеся стихи. Не помню уже, кто первым запел, — остальные подхватили. Пели бодро и даже чересчур громко.

Песнями мы хотели как-то отблагодарить Яшина, развлечь его. Однако, как я заметил, наши самодетельные голоса и песни не достигли цели. В хоре он не участвовал, вежливо слушал, был задумчив.

— Что еще спеть вам, Александр Яковлевич? — спросили мы, думая, что все сможем.

— А спойте одну русскую песню, где еще слова есть: «Привезли меня в деревню глухую, далекую, мужики там топорами секутся».

Не знали мы напева этой старинной песни, да и слова помнили только начальные. После такой просьбы Александра Яковлевича петь другие песни было невозможно. От нашей бравады не осталось и следа. Не знаю, как другим, а мне стало не по себе и стыдно. Часто мы вот так живем: бодримся, с ходу обобщаем, видим иногда не то, что есть. Поэт как бы напомнил нам об этом. А сочинные тому стихи нашел у него потом.

Мы видим не все со своей горы,

Чудес неоткрытых еще немало.

Боюсь, чтоб кичливость не помешала

Нам постигать иные миры.

Я тогда подумал: может быть, Яшину доведется сегодня увидеть в деревне картину особенно для него острую и больную, и она запала в душу, держала его и беспокоила. Мы добрались до районного городка и распрощались.

На другой день мне довелось увидаться с Яшиным.

Его ответный визит был несколько необычен: он пришел с одним из своих знакомых очень поздно. Открыв дверь, я приятно удивился, увидев перед собой Яшина. Поэт извинился за позднее посещение. После его извинения настал мой черед извиняться: в ту пору мой быт совсем расстроился, жена с дочкой лежали в больнице и мне приходилось нелегко. Я сожалел, что не могу по-настоящему принять Александра Яковлевича, и сказал ему об этом. В ответ он лишь спросил, где жена, в каком корпусе больницы.

— Пойдем навестим, — сказал он, — человек в больнице, а мы тут компанействуем. — И более не задерживаясь, вышел вместе со мной.

Я не представлял, как мы пойдем в больницу и что вообще будем там делать. Яшин шел к больничному городку, шел быстро и уверенно, хорошо зная место. В больнице

все двери были закрыты. Мы пошли вдоль высокого забора, желая найти калитку, но и она была на замке.

— Что делать? Как же теперь?

— Ты что, не мужчина?! Не знаешь, как препятствия преодолевать? — И первым легко перемахнул двухметровый забор. Нам ничего не оставалось, как последовать за ним. Дальше было уже проще. Яшин подошел к корпусу, позвонил. Дверь отворилась, и испуганная медсестра появилась в освещенном проеме двери. Она смотрела на Яшина. И если девушка не узнала поэта, то все равно его вид, решительность и озорная лукавинка в глазах так на нее подействовали, что она, еще более теряясь, только и спросила:

— Вам кого?

Яшин назвал имя моей жены. Она не спала, слышала шум у двери и уже выходила из палаты. Увидев среди мужчин и меня, жена успокоилась и поздоровалась. Александр Яковлевич подал ей руку, сказав:

— Добрый вечер! — и, не выпуская ее руки, продолжал смотреть на нее. — Не волнуйтесь, все будет у вас хорошо, извините за такое нашествие, — душевно произнес он и поцеловал ей руку.

Мы поговорили еще несколько минут.

— А теперь пошли тем же путем! — сказал Яшин и, шутливо погрозив пальцем дежурной, быстро спустился по ступенькам крыльца.

Проводив Яшина, я вернулся домой, лег, но сон не приходил.

Да! Все в этом человеке от земли. Только он, пренебрегая условностями, мог пойти в больницу почти ночью, поздороваться с женой товарища, сказать теплые, врачующие слова, поцеловать руку! Яшин везде оставался самим собой, в нем всегда было доброе крестьянское соучастие и высокое интеллигентное благородство.

Признаюсь откровенно, я не отважился бы писать о Яшине, если бы не одно обстоятельство. Кому выпадала в жизни нелегкая минута — быть у постели умирающего очень близкого товарища, тот поймет, почему возникает непреодолимое желание рассказать об этом, поделиться горестью и вспомнить человека добром.

В конце апреля 1968 года мы в Никольске узнали о его болезни. Александр Яковлевич болен и — неизлечимо.

Надо ли говорить, как все мы были потрясены. Ведь только осенью Яшин гостил у нас, весной мы читали в «Правде», гордясь земляком, новеллу о пробуждающейся природе и о том, что сам человек не всегда ее почитатель, но и разрушитель. Новелла была острой, яшинской и заканчивалась словами: «Трудно писать о любви к природе под выстрелами».

Через несколько дней на телеграмму, посланную ему в больницу, пришел ответ, воспринятый с надеждой, но, как вскоре оказалось, временной, не подтвердившейся.

Никольскому райкому партии

Благодарю вас за телеграмму, за беспокойство о моем здоровье.

Меня оперировали крупные советские хирурги: академик Н. Н. Блохин; профессор В. И. Янишевский и старший хирург инсти-

туда врач В. И. Кышш. Оперировали уже дважды.

Пока мне трудно, но надеюсь, что все обойдется благополучно.

Сердечный привет всем друзьям и товарищам.

Александр Яшин.

15 мая 1968 года.

Это была последняя весть от Яшина на родину. Потом я узнал от жены поэта, Златы Константиновны, что Яшин нам послал второй вариант короткого письма; первый же, неотосланный, был по содержанию завещанием.

Уехала в Москву, вызванная родственниками, любимая сестра поэта Санечка. В конце мая собрались к Яшиным и мы с женой. Только что завершился весенний сев, река Юг, прославленная поэтом, была на редкость полноводной, разливной. Короткая навигация, определяющая условия жизни района на год, прошла успешно.

Перед отъездом в Москву мы в райкоме думали: что послать Александру Яковлевичу? Решение пришло само собой. Выкопали с Бобринского угора маленькую сосенку-двухлетку с комом мшистой земли и брусничником. Я ее упаковал, хорошо полил и повез.

Приехав в Москву, побыв короткое время в Лаврушинском переулке, где жил поэт, мы сразу отправились в клинику. Нас сопровождала дочь поэта Злата.

— Вы к кому? — строго спросил нас профессорского вида врач, когда мы в белых халатах поднимались по лестнице. — К Яшину... — повторил медленно он наш ответ. — К Яшину можно. — И, быстро повернувшись, пошел дальше. Я понял, что Александру Яковлевичу трудно беспредельно. У палаты мы встретились с Златой Константиновной и вместе вошли в комнату. Я первым подошел и, протягивая руку, с трудом произнес: «Здравствуйте, Александр Яковлевич!».

— Не подавай руки! — воскликнул он. — Только руки не подавай... — повторил Яшин ослабленно, с выдохом. Я на миг растерялся, но тут же понял: он бережет меня, боится заразить.

Нелегко вспоминать и писать об этом. Разговор поначалу не давался мне: подавляло волнение и застенчивость. Видя мое состояние (чье было более трудным?!), Александр Яковлевич взял инициативу в свои руки.

— Как дела районные? — поинтересовался он. Я подробно рассказал, что весна, хотя и была хлопотной, прошла успешно.

— Скоро ли в Блуднове электричество будет? Я ведь землякам обещал помочь.

К месту сказать, Яшин чрезвычайно переживал, если не мог или не успевал вовремя выполнить просьбы или наказания своих односельчан и просто знакомых. Многие вспоминают отзывчивость и доброту Александра Яковлевича. Местному журналисту он выхлопотал автомашину, колхознице — пенсию, помог определиться на учебу сыну старого товарища. Н. М. Воронин — в прошлом председатель никольского колхоза — рассказывал, как Яшин, встретившись с ним в Москве, отправился вместе в Союз писателей, представил его и, тотчас достав две путевки, увез его на другой день в Ялту отдыхать. И в

больнице Яшин не переставал заботиться о земляках.

Я заверил поэта, что электроэнергия в скором времени будет и в Блуднове. Отвлекаясь, скажу: через три месяца в дома и на производственные объекты его родной деревни был дан ток, а через год в ней, как и во всем глубинном районе области, стали принимать передачи Центрального телевидения.

Я вспомнил о подарке — сосенке, она осталась в прихожей, сходил за ней и поставил перед Яшиным.

— С Бобринского угора привет вам лесной, Александр Яковлевич!

Сосенка хорошо перенесла дорогу, зеленела. На кончиках иголок блестели капли воды, она была такая свежая, пахучая... Но еще большее чудо ожидало нас. Когда я вскрыл всю упаковку, мы увидели (сосенка была уже в руках Яшина), что брусника, повинувшись закону вечной жизни, скромно зацвела белыми розеточками. У Александра Яковлевича от уголка глаз медленно, оставляя на ввалившейся щеке неровный след, поползла слеза. Он плакал совершенно беззвучно. Только влажные полоски на лице выдавали его. Это продолжалось с минуту. Я пробовал как-то поддержать его, утешить. Он быстро справился с волнением и стал говорить о том, что хочет закончить книгу и многое другое успеть. Тут же при нас смотрел эскизы оформления будущей книги, отбирая фотографии.

Поэт спешил, ибо все отлично понимал и знал: дней осталось немного. В тот момент я еще больше убедился в высоком духе этого сильного человека, настоящего коммуниста. Он олицетворял собой мужество. Часто говорят о последних днях людей с неизлечимым недугом: больной, дескать, не знал, но догадывался. Яшин точнее всех нас оценивал свое состояние; он стойко перенес три последовавшие одна за другой операции, боролся: «Ползу на амбразуру, клинок в зубах держи»; спешил сделать на последнем жизненном отрезке больше добрых дел.

Наша встреча была недолгой. Александр Яковлевич устал. Мы стали собираться. Поэт, улыбаясь, говорил вслед:

— Вечером уезжаете? Походите по Москве, есть что посмотреть!

Он был настолько щедр и богат духом, что смог еще утешать других, советовать, как нам, здоровым людям, отдохнуть в большом городе...

Помню, умер в деревне на Никольщине отец одного нашего председателя колхоза.

— Отчего умер батя твой? — задал я ему вопрос.

— Да с неделю хлеба на заел и помер, — ответил он.

Иначе говоря, жил человек до тех пор, пока хлеб ему сладок был. Не стал хлеб едой — худо дело! Судьба Яшина чем-то напоминает мне жизнь такого векового крестьянина. Он тоже не склонял головы ни перед какими бедами, до последнего шанса боролся, из последних усилий трудился. Таким было жизненное правило, мера человеческой совести поэта.

Мы, русские, часто, желая кого-либо охарактеризовать положительно, говорим: этот человек горит на работе, полностью отдается ей. Это стало чуть ли не самой основной частью социальной оценки качества человека. Слов нет, работать наши люди умеют: неред-

ко бывало, когда мы, выдержав лишения и перегрузки, добивались необходимого. Часто обстановка и сейчас требует от нас полной отдачи сил. Нельзя умиляться такими определениями и оценками... Люди обязаны беречь друг друга для продолжительной и плодотворной жизни. Жить да жить (и как еще!) надо было Яшину, достигшему творческого расцвета и мудрости. Болезнь он чувствовал раньше. Была возможность своевременно предотвратить роковой случай. Попытались исследовать, распознать причины раннего недомогания, но не сумели. А когда тайное стало явью — было уже поздно.

В период его болезни в палату приходили многие: друзья по литературному труду, газетчики, журналисты, издатели, земляки и просто знакомые, насыщенные о недуге поэта. Он сумел со всеми поговорить, был благодарен за искренние к себе чувства.

Поэт не терпел лицемерия, конъюнктурного ловкачества. Очень возможен эпизод, происшедший, как рассказывают, с одним из визитеров. Явился человек, ранее когда-то служивший перед Яшиным и совестью.

— Пришел? — как бы удостоверять факт, спросил Яшин, глядя на посетителя.

— Пришел.

— Ну, читай «Отче наш»!

— Как же, Александр Яковлевич!

— Не можешь! — заключил поэт. — Тогда пой «Интернационал»!

Собеседник совсем растерялся.

— И этого не знаешь! — Слова Яшина прозвучали приговором.

— Тогда хоть «Русского» у меня здесь спляши!

— ?!

— Вон отсюда! — произнес поэт с гневом. Незадачливого посетителя как ветром сдуло. Не берусь утверждать, было ли это на самом деле, но, зная прямоту и бескомпромиссность Яшина, я воочию представляю такой диалог.

Между тем болезнь прогрессировала. Принятые меры оказались тщетными. 11 июля 1968 года на 56-м году жизни Александр Яшин скончался. Известие о его смерти застало меня на пленуме обкома. Сразу же в Москву направили одного из секретарей нашего райкома. Там решался вопрос о месте захоронения умершего. Исполнили волю самого Яшина. Поэта приняла родная земля, немногим более полвека назад давшая его миру.

На знаменитом теперь Бобринском угоре и в районном городке организован музей

А. Яшина. Интерес к яшинским местам огромен и с каждым годом возрастает. Ежегодно в день смерти Яшина в городе и районе проводится День поэзии.

Почему мы любим и высоко чтим Александра Яшина? Ответом могли стать сотни записей в музеях.

«Александр Яшин много сделал для нашего Севера. Он заставил пристально взглянуть в северян и увидеть в них черты неповторимости, трудолюбия, сердечности, истинной человечности», — пишут ученики Никольской средней школы.

«Прекрасно, что комната-музей находится здесь, на родине поэта. Творчество Яшина, его жизнь всегда были связаны с родными местами. Безграничная любовь поэта к северной деревне вызывает глубокие чувства у каждого. Низкий поклон ему!» — такую запись оставили студенты и преподаватели Вологодского пединститута.

Среди отзывов есть советы, пожелания, обязывающие продолжать начатую музеем работу.

«Создание музея А. Яшина дело очень хорошее. Но музей надо расширять. Память о земляке-поэте надо увековечивать еще лучше. Выражаю надежду, что партийные и советские организации помогут школе хорошее начало приумножить. Но лучшей памятью о нашем земляке будут глубокое изучение его произведений, плодотворная работа литературных кружков во всех школах города и района, выращивание из молодежи новых поэтов и прозаиков.

С благодарностью создателям музея
первый секретарь обкома КПСС

А. Дрыгин».

Все объединяются в одном: Александр Яшин любим за то, что был человеком, почитающим больше всего труд и людей труда. Мы любим его и за то, что он вобрал в себя, сохранил и развил бесценные фольклорные богатства Севера, он почитаем народом за честность, за подчас нелицеприятную, но всегда партийную правду.

Яшин гордился своим краем, поведаль о нем миру, его творчество развивало и укрепляло высокое чувство патриотизма. Поэт затронул в каждом человеке самую естественную, жизненную струну, призвав людей делать добро и спешить его делать.

Творчество Яшина, его стихи, проза — в рабочем строю, они активно действуют и воспитывают новые поколения людей.